

Мо Юэ спал крепко и безмятежно — видать, вымотался до предела.

Поскольку собственное ложе Сяои оказалось бесцеремонно занято, ему не оставалось ничего другого, кроме как пойти в комнату своего невольника. Уж очень хотелось поглядеть, как выглядит берлога, которую тот так ревностно оберегал от чужих глаз.

Раньше здесь жил дядя Е Цай. Сяои толкнул дверь и на миг зажмурился: белизна стен едва не ослепила его. Батюшки, ну и ну! Юноша удивленно цокнул языком. Стерильная, просто невероятная чистота.

С тех пор как Е Су погиб на войне, а его вдова осталась одна, дядя сюда не заглядывал. В прошлый раз, когда Сяои открывал эту дверь, из углов свисала жирная паутина, повсюду лежал вековой слой пыли, а стены и полог кровати казались черными от копоти.

И как только Мо Юэ умудрился за несколько дней превратить этот чулан в подобие сияющей монастырской кельи?

Впрочем, раздумывать долго Е Сяои не стал. Раз уж назвался старшим братом — имеешь полное право прибрать к рукам постель младшего.

Он с разбегу плюхнулся на чистые, пахнущие свежестью простыни. На душе сделалось на редкость весело.

"Завтра же объявлю этому невольнику, что мы меняемся комнатами! — злорадно подумал Сяои. — Будет знать, как покушаться на мое ложе! Устрою тут такой же кавардак, ха-ха-ха..."

В его собственной спальне действительно царил такой первозданный хаос, что возвращаться туда не хотелось.

На следующее утро Мо Юэ, проснувшись, заглянул к себе. И застыл на пороге.

На его простынях, раскинувшись безмятежной звездой и сладко посапывая, дрых абсолютно голый Сяои.

Стоило Мо Юэ сделать шаг к постели, как чуткий юноша тут же открыл глаза. Но стоило ему разглядеть лицо своего единственного слуги, как вся бдительность испарилась. Он лениво перевернулся на другой бок и пробормотал сквозь сон:

— Эта комната теперь моя. А ты забирай мою.

Ишь ты, какой грозный властелин выискался!

Мо Юэ, недолго думая, отвесил наглецу звонкий шлепок по мягкому месту.

— Еще чего. Нужен мне твой свиарник.

Сяои мгновенно подскочил, прижимая ладонь к пострадавшей ягодице, и уставился на слугу круглыми от изумления глазами.

— Ты... ты как смеешь распускать руки?!

Смертные не смеют трогать тигра за хвост, а уж к наследнику знатного рода Е и подавно никто никогда пальцем не прикасался!

Мо Юэ окинул его взглядом. Рассыпанные по плечам длинные шелковистые волосы, фарфоровая, светящаяся кожа, возмущенный вид... Султанчик-то, оказывается, был на редкость недурен собой.

Но несносный характер перечеркивал всю красоту, так что проучить паршивца определенно стоило. Мо Юэ отвесил ему еще один увесистый шлепок.

— Только и умеешь, что помыкать мной. Для того ты меня купил, чтобы издеваться? А?

Мяса не дает, работать заставляет, а теперь еще и комнату отбирает. Маленький тиран совсем страх потерял. Неужто и впрямь решил, что у его слуги нет когтей?

Сяои взвился на дыбы. Смерив Мо Юэ яростным взглядом, словно тот белены объелся, он бросился в драку.

К несчастью, юноша позабыл, что силами и статью он заметно уступает своему невольнику. К тому же Мо Юэ владел боевыми искусствами.

Уже через минуту Сяои лежал ничком, прижатый к матрасу тяжелой рукой, пока его нещадно шлепали по задку. Как он ни брыкался, вырваться из этих тисков не получалось.

— А ну катись в Янчжоу! — задыхаясь от ярости, закричал он, указывая на дверь. — Немедленно! Сей же час!

Мо Юэ, всласть поиздевавшись над строптивцем, отпустил его и с усмешкой бросил:

— Не пойду.

— Тогда мяса не получишь! — выдал свой главный козырь Сяои.

— Позволь, но я только вчера принес тебе двадцать лянов серебра, — возразил Мо Юэ, устраиваясь поудобнее на краю постели. — Мы уговаривались: будет польза — будет и мясо. Хочешь нарушить слово?

Сяои сел, сердито поправляя растрепавшиеся волосы, и фыркнул:

— Глупый ты, братец. Думаешь, если один раз повезло сорвать куш, так теперь каждый день по двадцать лянов капать будет? Наше ремесло простое, в нем нет никаких секретов. Нас скопируют в два счета.

Мо Юэ посерьезнел.

— Что ты имеешь в виду?

Сяои поджал под себя ноги и принялся растолковывать слуге азы торговли:

— Вот увидишь, стоит нашим шпилькам войти в моду, как лавка «Шуньчжай» откажется от наших услуг. Зачем им переплачивать по полтора ляна за штуку, когда они могут нанять своих мастериц и делать то же самое за бесценок? Я затеял это дело лишь ради быстрой наживы на первые месяц-два. Пока остальные купцы чешут в затылке и приглядываются, нам нужно шевелиться и ковать железо, пока горячо. А позже, когда набегут подражатели, придется либо сбивать цену до копеек, либо закрывать лавочку. Смыслишь?

Мо Юэ нахмурился, подперев подбородок рукой.

— Неужто в торговле все так сложно? Если у нас украдут идею, что мы станем делать? Искать другое ремесло? Но так ведь и надорваться недолго. Разве нельзя защитить свое дело или проучить воров?

Сяои улегся напротив него, опершись на локоть, и вздохнул:

— Чтобы защититься, нужно предложить то, что другим не под силу. Сложнейшую технику, безупречный стиль. А у нас кто работает? Деревенские женщины. Куда им до столичных искусниц? Да и я в женских побрякушках смыслю постольку-поскольку. Так что этот путь отпадает. А чтобы дать отпор, нужна власть. Либо связи в управе, чтобы давить на конкурентов законом, либо монополия на шелк и нити, либо своя сеть лавок. У нас же за душой ни гроша. Этот скромный промысел был нужен лишь для того, чтобы пустить в оборот несчастные два ляна и скопить сотню-другую на настоящее, крупное дело.

Мо Юэ оживился.

— Крупное дело?

— Именно, — кивнул Сяои. — И вести его будешь ты. Как только наберем приличный капитал, я посвящу тебя в подробности. Обещаю: если удержишь язык за зубами, мы развернем такое дело, какое никому и не снилось. Во всей империи ни у кого не будет ничего подобного. Будешь купаться в золоте и парче.

Правда, была одна загвоздка. Прежде чем затевать нечто подобное, Сяои должен был сдать экзамены и получить хотя бы звание сюцая. Без этого щита любой мало-мальски влиятельный чиновник или уездный богатей сотрет их в порошок и отберет все нажитое. На голом месте, без чина и положения, в этом мире не выжить.

Сяои понимал: медлить нельзя, нужно браться за учебу. Вот только от одной мысли о зубрежке у него начинала болеть голова.

Мо Юэ резко поднялся, одергивая полы халата.

— Ладно. Я еду в Янчжоу.

Сяои лениво махнул ему рукой на прощание, а сам вернулся к своим безрадостным думам о предстоящих испытаниях.

Недавно он расспросил знающих людей о том, как устроен путь к вершинам учености. Картинка вырисовывалась пугающая.

Сейчас он числился обычным простолюдином — бедином. Чтобы получить заветный статус сюцая, сначала нужно было сдать экзамены на звание туншэна.

А это означало пройти через два круга ада: уездный и окружной экзамены. Только одолев их, соискатель признавался туншэном. Но и это было лишь началом. Восемь сложнейших письменных испытаний, где требовалось без единой запинки по памяти воспроизводить древние тексты. Спрашивали в основном каноны — «Книгу песен» и «Книгу документов». Сяои уже подсчитал: в этих двух фолиантах было без малого шестьдесят тысяч знаков! И их нужно знать назубок.

Получив туншэна, следовало отправляться в префектуру на академический экзамен. Там экзаменовали уже по всем четырём классическим книгам и пяти канонам. Тот, кто справлялся, наконец-то именовался сюцаем.

Но расслабляться не приходилось. Сюцаев распределяли по уездным или окружным училищам, а особо одаренных отправляли в столичную академию Гоцзыцзянь. Там они грызли гранит науки несколько лет, после чего сдавали ежегодный экзамен. Победителей допускали к провинциальному экзамену, который проводился раз в три года.

Выдержавшие провинциальный экзамен ехали в столицу на столичный экзамен. И только лучшим из лучших дозволялось предстать пред ясные очи императора на дворцовом экзамене. Там владыка самолично определял победителя, который и нарекался чжуанюанем — первым ученым империи.

Сяои мысленно прошел этот путь и почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Девяносто девять препятствий, и на каждом шагу тебя могут отсеять, если ты не окажешься в числе первых.

Неужели ему придется потратить десять лет жизни на эту бесконечную гонку?

Раньше у него не было денег, и он довольствовался лишь куцыми списками «Книги песен» и «Книги документов». Теперь же, имея в кармане серебро, Сяои оседлал арендованного ослика и отправился в самую крупную книжную лавку уезда — «Непреклонный дух». Пора было обзавестись полным комплектом учебных пособий.

Переступив порог лавки, он уселся за столик и велел хозяину:

— Дайте мне все книги, необходимые для сдачи экзамена на сюцая.

Сяои рассуждал просто: раз канон зовется «Четверокнижием и Пятикнижием», значит, книг всего девять. За десять лет одолеть девять томов — задача вполне посильная.

Однако когда почтенный лавочник с кряхтением водрузил на стол огромную, едва не рассыпающуюся стопку синих тетрадей, Сяои похолодел.

— Это... это что такое?! — воскликнул он, вскакивая с места. — Почему так много? Я вообще-то читать не люблю! Дайте мне только то, что будут спрашивать на экзамене, лишнего не надо!

Удивленный лавочник бережно разложил перед ним тома, демонстрируя названия:

— Юноша, помилуйте. Старик торгует книгами всю жизнь и ошибок не допускает. Вот начальные каноны для ума: «Книга перемен», «Книга песен» и «Книга документов». Вот три трактата о ритуалах — «Ритуалы Чжоу», «Церемониальные ритуалы» и «Книга ритуалов».

Лавочник выложил следующую стопку:

— А это три комментария к летописи «Весны и осени»: «Цзо чжуань», «Гунъян чжуань» и «Гулянь чжуань». И, конечно же, обязательные для заучивания «Беседы и суждения» Конфуция, труды Мэн-цзы, словарь «Эрья» и «Канон сыновней почтительности». Всего пятнадцать книг.

Сяои пересчитал тома, чувствуя, как у него дергается глаз. Насчитал действительно пятнадцать вместо обещанных девяти.

— А это еще что за прилипалы? — ткнул он пальцем в «Книгу ритуалов», из которой торчали две тонкие брошюры.

Лавочник благодушно усмехнулся:

— Это трактаты «Великое учение» и «Учение о середине». Они входят в состав «Книги ритуалов», но для удобства почтенных книжников их печатают отдельно — с подробными толкованиями и разбором сложных мест. Их нужно заучивать наизусть, без этого на экзамене делать нечего.

Сяои с отвращением перелистал тонкие книжицы, ворча под нос:

— Напридумывали тоже... Зубрить это еще. И откуда столько слов взялось?

— «Великое учение», «Учение о середине», «Беседы и суждения» и труды Мэн-цзы составляют священное Четверокнижие, — наставительно произнес торговец. — Боюсь, без толковых словарей и сборников комментариев вам в них не разобраться. Не желаете ли приобрести и их?

Сяои обреченно махнул рукой, велел завернуть все сопутствующие пособия, переводы и разъяснения.

Домой он возвращался, навьючив на несчастного ослика тяжеленный сундук с книгами.

Погоня упрямое животное, Сяои всю честил древних мудрецов:

— Пятнадцать книг! Пятнадцать, чтоб вас черти взяли! Называют это «Четверокнижием и Пятикнижием», а сами даже считать не умеют! Лжецы! Жалкие, бессовестные обманщики!

<http://bllate.org/book/18182/1752513>